

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.575

Павел Владимирович ТЕПЛЯШИН,

профессор кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор
pavlushat@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ ПРОПАГАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

THE CRIMINAL LAW PROHIBITION OF NARCOTIC DRUG PROPAGANDA: PRECONDITIONS FOR CRIMINALIZATION AND QUALIFICATION PROBLEMS

В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты установления уголовной ответственности за распространение информации, формирующей положительное или нейтральное отношение к незаконному потреблению и обороту наркотических средств, в информационно-телекоммуникационных сетях. Анализируются нормативные предпосылки криминализации данного деяния, закрепленные в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, а также объективные криминологические показатели, свидетельствующие о возрастающей роли сети Интернет в наркотизации населения. Подробно рассматривается состав преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ: объективные и субъективные признаки, особенности конструкции с административной преюдицией и специальным рецидивом, момент окончания деяния. Раскрывается понятие «пропаганда» через анализ легального определения, содержащегося в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Выявляются и обосновываются проблемы правоприменения, в числе которых сложность отграничения пропаганды от информирования в рамках профессиональной (медицинской, педагогической) деятельности, а также коллизии с законодательными исключениями для произведений науки, литературы и искусства, содержащими «оправданную жанром» информацию о наркотиках. Формулируются критерии разграничения законного информирования и уголовно наказуемой пропаганды (целевая направленность, баланс содержания, отсутствие инструктивной составляющей, учет потенциальной аудитории), а также предложения по совершенствованию уголовного закона, включая введение квалифицированных составов и уточнение законодательного исключения для произведений искусства и науки.

This article considers the theoretical and applied aspects of establishing criminal liability for the dissemination of information that forms a positive or neutral attitude toward the illegal use and trafficking of narcotic drugs in information and telecommunications networks. The normative preconditions for the criminalization of this criminal act, enshrined in the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2030, as well as the objective criminological indicators demonstrating the increasing role of the Internet in the drug addiction among the population are analyzed. The elements of the crime under Article 230.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, including its objective and subjective elements, the specifics of its construction with administrative prejudice and special recidivism, and the moment of completion of the act are discussed in detail. The concept

of «propaganda» is disclosed through an analysis of the legal definition contained in the Federal Law «On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances» as well as the clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation. The law enforcement issues are identified and substantiated, including the difficulty of distinguishing propaganda from information dissemination within the context of professional (medical, pedagogical) activities, as well as conflicts with legislative exceptions for works of science, literature, and art containing «genre-justified» information about drugs. The criteria for distinguishing between legal information dissemination and criminally punishable propaganda (targeted focus, content balance, absence of an instructional component, consideration of the potential audience) are formulated, along with suggestions for improving criminal law, including the introduction of qualified elements of crime and clarification of the legislative exception for works of art and science.

Ключевые слова: административная преюдиция, информационно-телекоммуникационные сети, квалификация преступлений, общественная опасность, профилактика наркотизма, распространение информации.

Keywords: administrative prejudice, information and telecommunications networks, crime classification, public danger, drug prevention, information dissemination.

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. N 226-ФЗ УК РФ дополнен статьей 230.3, устанавливающей ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), совершенную лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного данной статьей. Норма вступила в силу с 1 марта 2026 г., ознаменовав новый этап в правовом регулировании противодействия информационному сопровождению незаконного оборота наркотиков.

Как представляется, криминализация данного уголовно-правового запрета не является спонтанным шагом законодателя, выступает результатом достаточно длительного осмысления криминологических реалий и стратегических приоритетов государственной антинаркотической политики. Так, в пп. «ж» п. 9 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия), утвержденной Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. N 733, в качестве одной из угроз национальной безопасности в средне-

срочной и долгосрочной перспективе прямо называется масштабное использование сети Интернет для пропаганды незаконного потребления наркотиков. Подпункт «г» п. 13 Стратегии также закрепляет среди основных мер совершенствования антинаркотической деятельности выявление и пресечение функционирования в сети Интернет ресурсов, используемых для пропаганды незаконных потребления и распространения наркотиков.

Кроме того, нельзя не заметить, что в пп. «в» п. 4 Стратегии содержится легальное определение антинаркотической идеологии как «совокупности политических, религиозных, научных, культурных и других взглядов, основанных на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и выражающих негативное отношение общества к незаконному потреблению и незаконному обороту наркотиков». Соответственно, пропаганда наркотиков выступает антиподом указанной идеологии, формируя в общественном сознании искаженные установки о допустимости потребления наркотических средств. Именно этим объясняется необходимость перевода данного деяния из разряда административных правонарушений (ч. 3 ст. 6.13 КоАП РФ) в разряд уголовно наказуемых при условии фиксации факта административной или уголовно-правовой преюдиции.

Помимо идеологических установок в отношении такого вида наркоугрозы следует

обратить внимание и на объективные криминологические показатели. Криминологическое обоснование установления уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в информационно-телекоммуникационных сетях базируется на устойчивых негативных тенденциях, зафиксированных в официальной статистике. При этом информационно-телекоммуникационная сфера превратилась в основной канал распространения не только наркотических средств, но и идеологии их потребления. Так, в 2024 г. зарегистрированы 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1% больше, чем за 2023 г., а их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений увеличился с 34,8% до 40,0%. В указанном массиве преступлений выделяется категория деяний, непосредственно сопряженных с незаконным оборотом наркотиков, преступления, предусмотренные ст. 228.1 УК РФ и совершенные с использованием сети Интернет или средств мобильной связи, составили 94,6 тыс. (+16,1%) в 2024 г. В 2025 г. тенденция усугубилась, поскольку общее число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, хотя и снизилось на 11,8% (до 675,4 тыс.), однако количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, выросло на 8,4% (до 214,8 тыс.). Более того, число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, возросло на 17,6%. Указанные данные свидетельствуют о том, что киберпространство активно используется не только для непосредственного сбыта наркотиков, но и для их пропаганды, формирования благоприятного общественного мнения о наркопотреблении. Именно высокая латентность пропагандистской деятельности, которая проявляется в том, что выявить факт пропаганды значительно сложнее, чем факт сбыта из-за отсутствия прямых следов в виде передачи вещества или денежных средств, а также ее деструктивное воздействие на молодежную аудиторию обусловили необходимость перевода данного деяния из раз-

ряда административных правонарушений в разряд уголовно наказуемых с применением механизма административной преюдиции и специального рецидива. Так, Д.В. Токманцев и И.Н. Заварыкин справедливо отмечают «распространенность наркотизма в российской молодежной среде» [9, с. 14]. Ведь деструктивное воздействие на молодежную аудиторию признается на государственном уровне не просто аморальным, а социально опасным фактором, способным привести к деградации человеческого капитала, росту первичной наркомании и подрыву демографической и социальной безопасности. Следует поддержать С.А. Бирмамитову, которая верно отмечает, что применительно к пропаганде наркотиков «действия, совершенные указанным способом, являются общественно опасными, поскольку охватывают многомиллионную аудиторию, существенной частью которой выступают несовершеннолетние, а также способствуют расширению рынка сбыта запрещенных веществ» [2, с. 64]. Уголовный закон в данном случае выполняет функцию не только карающую, но и превентивно-воспитательную, формируя правосознание и устанавливая запрет на любые формы идеологической поддержки наркотизма.

Состав преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ, вызывает научный и практически значимый интерес. Так, видовым объектом выступают общественные отношения в сфере здоровья населения и общественной нравственности. Непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия жизнедеятельности населения от информационного воздействия, стимулирующего незаконный оборот, позитивный образ и потребление наркотиков.

Говорить о наличии в составе преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ, предмета не представляется верным, поскольку механизм совершения данного посяательства не предполагает непосредственного обращения с наркотиками, какого-либо воздействия на них не требуется. Фактически наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, прекурсоры, а также растения, содержащие наркотические сред-

ства или психотропные вещества либо их прекурсоры упоминаются законодателем как компонент информации, составляющей основу того, что подлежит пропаганде. Раскрытие того, что следует относить к данному компоненту соответствующей информации, необходимо осуществлять в рамках анализа объективной стороны состава преступления.

Также важно заметить, что в исследуемом составе преступления отсутствует потерпевший, поскольку презюмируется, что его совершение причиняет вред здоровью неопределенному кругу лиц, потенциально способных воспринять пропаганду наркотиков и, как результат, прийти к выводу о допустимости их потребления в немедицинских целях.

Содержание объективной стороны данного преступления образует действие в виде пропаганды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, совершенной в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет). Соответственно, средства, вещества и растения, которые пропагандируются, с формально-юридических позиций могут быть идентифицированы посредством обращения к Перечню наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. N 681, что соответствует требованию определенности уголовно-правового запрета.

В силу особенностей механизма причинения вреда общественным отношениям состав преступления относится к разряду формальных, поэтому констатация наступления каких-либо конкретных последствий (например, в виде немедицинского потребления наркотиков определенными лицами под воздействием такой пропаганды) с формально-юридических позиций не требуется.

Ключевым для понимания объективной стороны является раскрытие понятия «пропаганда». Согласно п. 1 ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных

веществах» (далее – Федеральный закон о наркотиках) под пропагандой наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений следует понимать распространение информации или материалов, в том числе в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях (в том числе в Интернете): 1) о способах, методах незаконных разработки, производства, изготовления, переработки, хранения, перевозки, пересылки, сбыта, приобретения, использования, потребления, ввоза на территорию Российской Федерации, вывоза с территории Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, местах их приобретения; 2) о способах, методах незаконных приобретения, хранения, перевозки, пересылки, культивирования наркосодержащих растений, местах их приобретения; 3) о допустимости, привлекательности либо необходимости незаконного потребления наркотических средств или психотропных веществ, потребления их аналогов; 4) о каких-либо преимуществах незаконного использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений; 5) об использовании в медицинских целях подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье наркотических средств, психотропных веществ, наркосодержащих растений; 6) о совершении иных незаконных действий с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами и прекурсорами, наркосодержащими растениями путем их оправдания или представления как общепринятых норм поведения. Данное определение является базовым для иных интерпретаций, которые направлены на уточнение его отдельных признаков. Причем до настоящего времени такое уточнение осуществлялось только применительно к рассматриваемой пропаганде в рамках состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.13 КоАП РФ. Например, в пп. 2 п. 42 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ N 4 (2021), утвержденного Президиумом

Верховного Суда РФ 16 февраля 2022 г. (далее – Обзор), указывается, что под «пропагандой наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет следует понимать деятельность, осуществляемую физическими или юридическими лицами в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и направленную на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также совершение иных действий в целях побуждения интереса у зрителя (читателя) к наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам, способам их употребления и т.д.; формирования представления о факте потребления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров для достижения состояния наркотического опьянения как допустимого, желательного». Таким образом, одним из уточнений признака «оправдания или представления как общепринятых норм поведения» потребления наркотиков является «допустимость» и «желательность».

В науке уголовного права обращается внимание на сложность оценки категории «пропаганда» [8]. Так, пропаганда не может сводиться лишь к распространению информации, которое в ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон об информации) определено как «действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц». В сущностном (социологическом) аспекте пропаганда представляет собой метод воздействия на общественное сознание и отличается определенной системностью, которая проявляется в наличии установленных правил и алгоритма реализации, отправителя и получателя информации. Подобного мнения придерживаются О.Ф. Воспьякова и Д.А. Свиридов, указывая, что «под пропагандой в общем смысле этого слова понимается

систематическое распространение информации для воздействия на массовое сознание с целью формирования определенных убеждений, взглядов и поведения людей, привлечение как можно большего числа сторонников определенного образа жизни» [4, с. 138]. Однако в Федеральном законе о наркотиках понятие «пропаганда» заужено, поскольку оно фактически сводится к «распространению информации» без каких-либо признаков системности. Более того, следует учитывать, что пропаганда «наркотиков может носить скрытый характер ввиду применения лингвистического (лексического, метафорического и др.), экономического, психологического и иного инструментария. Так, например, надписи «мука» или «соль» могут маскировать предложения о продаже наркотиков под рекламные объявления» [10, с. 122].

Специфика уголовно-правовой оценки общественно опасного деяния заключается в том, что факт размещения противоправного контента фиксируется в момент его публикации, а момент окончания преступления – в момент доведения информации до сведения неопределенного круга лиц (для открытых источников) либо до сведения конкретного адресата (для сообщений, в частности, в мессенджерах, электронной почте). При этом не требуется, чтобы информация была фактически (как руководство к действию) воспринята или побудила к противоправному поведению. Таким образом, для квалификации деяния достаточно самого факта распространения, которое складывается фактически из двух действий: 1) размещения противоправного контента в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет); 2) доведения информации до сведения неопределенного круга лиц либо до сведения конкретного адресата.

Также важно обратить внимание на такую особенность, что для квалификации фактического значения имеет обстановка (в составе преступления законодательно не закреплена) совершения деяния, а именно – ситуация сопровождения преступления (например, реклама товаров содержащих наркотическое средство или их контент). Так, в Обзоре приводится следующий пример: «Ш. разместил на

своей странице в социальной сети, открытой для неопределенного круга лиц, файлы с изображением листьев по внешнему виду схожих с листьями растения конопли, а также с изображениями, указывающими на способы употребления наркотических средств, то есть допустил пропаганду растения, содержащего наркотические средства (каннабиноиды), с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет». Однако, если предположить, что это была страница в социальной сети косметического салона, в котором используются крема и лосьоны, содержащие полиненасыщенные жирные кислоты (омега-3, омега-6), антиоксиданты, витамины и минералы, масло, получаемые из листьев конопли, и отсутствовали изображения способов употребления наркотических средств, то вряд ли это может быть квалифицировано как пропаганда растения, содержащего наркотические средства (каннабиноиды). Ведь такой контент не противоречит запрету, закрепленному в ч. 4 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-I «О средствах массовой информации» запрету на «распространение в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационных сетях сведений о способах, методах разработки, изготовления, использования, о местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, о способах и местах культивирования растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, распространение иной информации, распространение которой запрещено федеральными законами».

В унисон ранее сказанному следует отметить важность разграничения пропаганды наркотиков и информирования, осуществляемого в рамках профессиональной деятельности медицинских и педагогических работников с целью профилактики наркомании. В последнем случае состав преступления отсутствует.

Особую сложность представляет квалификация действий лиц, распространяющих

информацию о наркотиках в рамках художественных, научных, специализированных медицинских, фармацевтических или учебных изданиях. Так, ч. 2 ст. 46 Федерального закона о наркотиках закрепляет исключение, согласно которому положения о запрете пропаганды не применяются к произведениям литературы, искусства, кинематографии, научной и публицистической деятельности, если распространение информации о наркотиках, способах их потребления и специфике незаконного оборота составляет, например, «оправданную жанром неотъемлемую часть художественного замысла». Однако данный законодательный подход создает риски злоупотреблений. В частности, писатель, прикрываясь «оправданным жанром», может умышленно изложить в рукописи художественного произведения подробные и оправданные творческим замыслом сцены немедицинского потребления наркотиков либо иллюстрировать способы изготовления прекурсоров».

Таким образом, коллизия между уголовно-правовым запретом пропаганды наркотиков и законодательно закрепленным исключением для произведений науки, литературы и искусства порождает существенную правовую неопределенность. С одной стороны, исключение призвано сохранить свободу творчества, научного поиска и медицинского просвещения. С другой стороны, его оценочный характер («оправданность жанром», «неотъемлемость художественного замысла») создает риски злоупотреблений, когда под видом художественного или публицистического произведения фактически осуществляется пропаганда наркотиков, формируется положительное или нейтральное отношение к их потреблению, а также распространяются знания о способах и методах оборота. В связи с этим можно предложить рекомендации по разграничению пропаганды и обозначенных исключений:

1) придерживаться принципа целевой направленности, согласно которому ключевым критерием разграничения следует признать не столько содержание информации, сколько цель ее распространения. Если информация о наркотиках, способах их потребления

или изготовления включена в произведение с целью художественного осмысления проблемы (например, демонстрация трагических последствий зависимости), критики социального явления, научного просвещения или медицинской профилактики, то такая информация не может рассматриваться как пропаганда. Если же цель заключается в формировании положительного отношения к наркотикам, побуждении интереса к ним или обучении способам их незаконного изготовления, деяние подлежит квалификации по ст. 230.3 УК РФ;

2) использовать метод «баланса содержания», в соответствии с которым при проведении искусствоведческой, литературоведческой или иной экспертизы необходимо устанавливать соотношение объема и характера информации о наркотиках с общей направленностью произведения. Наличие в произведении художественно оправданных сцен потребления наркотиков само по себе не является пропагандой. Однако если подобные сцены занимают центральное место в произведении, детализируют способы изготовления или сбыта, сопровождаются оправданием или романтизацией наркопотребления, то это может свидетельствовать о выходе за пределы «оправданности жанром»;

3) необходимо следовать принципу «отсутствия инструктивной составляющей». Так, информация, содержащая четкие, воспроизводимые инструкции (алгоритмы) по незаконному изготовлению наркотических средств, способам их сбыта, методам потребления с описанием эффектов, как правило, выходит за пределы «оправданности жанром», даже будучи включенной в художественное произведение. Исключения составляют специальные научные или медицинские издания, предназначенные для профессиональной аудитории и не подлежащие абсолютно свободному распространению;

4) следует учитывать потенциальную аудиторию этих произведений и способа их распространения, поскольку свободный доступ в сети Интернет к информации, содержащей описание наркотиков и способов их потребления, даже в художественной форме, повышает риски признания такой информа-

ции пропагандой. Напротив, распространение специализированных медицинских или учебных материалов в закрытых профессиональных каналах (для врачей, фармацевтов, студентов профильных специальностей) при соблюдении требований к маркировке и доступу, как правило, не будет образовывать пропаганду наркотиков;

5) рекомендуется при расследовании уголовных дел о пропаганде в художественных, научных и публицистических произведениях назначать комплексные экспертизы (литературоведческую/искусствоведческую+ психолого-лингвистическую), которые позволяют дать мотивированное заключение о том, является ли информация оправданной жанром и целью произведения либо выходит за эти пределы и выполняет пропагандистскую функцию.

Кроме того, представляется целесообразным в порядке *de lege ferenda* дополнить ч. 2 ст. 46 Федерального закона о наркотиках абзацем в следующей редакции: «Исключения, предусмотренные настоящей частью, не распространяются на случаи, когда информация о наркотических средствах, психотропных веществах и их аналогах, прекурсорах, наркосодержащих растениях, об обращении с ними (включая незаконные приобретение, изготовление, производство, хранение, перевозку, сбыт, потребление), либо об их преимуществах, привлекательности или допустимости незаконного потребления содержит инструктивные указания, носит одобрительный или рекомендательный характер». Данная законодательная новация позволит уменьшить оценочный характер нормы и снизить риски злоупотреблений.

Продолжая анализировать состав исследуемого преступления, необходимо сформулировать тезис о том, что форма общественно опасного деяния – действие, поскольку отсутствует юридически закреплённая обязанность конкретного субъекта непропагандирования соответствующей информации. Именно активное поведение по агитации незаконного оборота наркотиков и популяризации их потребления в немедицинских целях составляют ядро общественной опасности данного преступления. В этой связи сложно понять

законодателя, который ограничил уголовно-правовую противоправность такого поведения конкретным местом, а именно информационно-телекоммуникационными сетями. Думается, что не менее опасным является пропаганда наркотиков в публичной среде (сфере). Как обосновано считает А.Д. Кривонов, «публичная сфера – это то доступное для граждан «место», где формируется общественное мнение» [6, с. 69]. Действительно, нельзя не поддержать ряд авторов, которые в этой связи пишут: «Музыкант может исполнять аналогичного содержания тексты во время живых концертов. В этом плане, на наш взгляд, уместно было дополнить обстановку совершения преступления признаком публичности» [1, с. 329]. Таким образом, публичное место выступает обстановкой, при которой пропаганда наркотиков может охватывать весьма широкую аудиторию, оказывать глубокое воздействие на сознание неопределенного круга лиц, что в совокупности с высокой латентностью таких деяний (факт распространения информации сложно зафиксировать и доказать, а круг лиц, воспринявших пропаганду, остается неопределенным) и их способностью продуцировать долгосрочные негативные социальные последствия предопределяет повышенную общественную опасность пропаганды в указанных условиях и обуславливает необходимость ее именно уголовно-правового пресечения.

Сложно согласиться с мнением В.В. Волколуповой, которая гипертрофировано полагает, что существуют значительные проблемы разграничения исследуемого преступления с общественно опасным деянием, предусмотренным ст. 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», и пишет: «В реальных условиях, особенно в онлайн-среде, эта граница может оказаться размытой, и это неизбежно будет порождать сложности в квалификации содеянного» [3, с. 75]. Как представляется, в границах общественного деяния необходимо руководствоваться двумя разграничительными признаками – направленностью и характером соответствующих действий: 1) пропаганда ориентирована как правило на неопределенный круг лиц, тогда

как склонение носит персонифицированный характер, поскольку ориентировано на конкретных лиц; 2) пропаганда предполагает распространение или даже популяризацию информации, направленной на формирование у неопределенного круга лиц нейтрального, терпимого или положительного отношения к наркотикам, либо представления о допустимости их употребления и(или) оборота, склонение же согласно п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» «может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т.п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие».

Важным элементом объективной стороны выступает место совершения преступления – информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет. Согласно ст. 4 Федерального закона об информации «информационно-телекоммуникационная сеть – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники».

Законодатель сконструировал состав преступления с использованием административной преюдиции и специального уголовно-правового рецидива. Соответственно, субъектом может быть лицо, достигшее 16-летнего возраста, при условии, что оно либо было привлечено к административной ответственности два раза в течение одного года за аналогичное деяние, то есть по ч. 3 ст. 6.13 КоАП РФ «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры»

или по ч. 4 ст. 6.13 КоАП РФ за действия, предусмотренные ч. 3 ст. 6.13 КоАП РФ, совершенные иностранным гражданином или лицом без гражданства, либо имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ.

Наличие указанных обстоятельств свидетельствует о повышенной общественной опасности личности виновного, игнорирующего меры административно-правового воздействия или продолжающего преступную деятельность после осуждения за данное общественно опасное деяние. Однако анализ общественно опасного деяния и личностных характеристик субъекта состава данного преступника показывает допустимость признания деяния, обладающего всеми формальными признаками состава преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ, малозначительным в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ. Во-первых, глубина и степень правонарушающей активности таких субъектов не обладает типичным характером, поскольку далеко не все административные правонарушения даже в своей совокупности могут представлять высокую степень антисоциальности. Во-вторых, повторность соответствующих административных правонарушений не делает вредоносное деяние общественно опасным. По этому поводу И.В. Дворянсков не без основания пишет: «Каждое деяние изначально должно содержать все признаки преступления вне связи с тем, что было совершено раньше. Накопительного эффекта в данном случае быть не может и не должно. Повторность сама по себе не делает деяние принципиально более опасным. Материальный признак общественной опасности должен наличествовать в каждом деянии, причем соответствовать его уголовно-правовому статусу» [5, с. 158]. Фактически криминализация исследуемого преступления отражает механизм предупредительного воздействия на лиц, которые продолжают осуществлять пропаганду наркотических средств, несмотря на дважды примененные к ним меры административной ответственности, то есть на субъектов, не сделавших для себя соответствующих выводов из факта двукратного официального порицания, что обуславливает необходимость

применения к ним более строгих, уголовно-правовых мер реагирования.

Хотя следует учитывать, что исследуемое преступление в отличие от, например, мелкого хищения, не имеет «нулевой» степени общественной опасности, поскольку даже единственный факт распространения информации о способах получения наркотиков или об их «безопасности» уже создает угрозу здоровью неопределенного круга лиц. Поэтому для признания такого преступления малозначительным требуется констатация того, что два административных наказания были назначены за минимальные по объему и содержанию действия (например, когда адресатом пропаганды было только одно лицо и поэтому вредоносность носит номинальный характер), а третий эпизод (уже уголовно наказуемый) также является минимальным по масштабам и содержанию.

Анализ субъективной стороны состава исследуемого преступления показывает, что оно характеризуется виной в форме прямого умысла. Так, лицо осознает, что распространяемая им информация является пропагандой наркотиков, предвидит, что в результате его действий у неопределенного круга лиц может сформироваться (или укрепиться) положительное, нейтральное либо терпимое отношение к незаконному потреблению и обороту наркотиков или «нездорового» интереса к таким действиям, и желает формирования такого отношения как результата своей пропагандистской деятельности. Мотивы и цели могут быть различными (например, корыстные, идеологические, хулиганские), но на квалификацию они не влияют.

Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 230.3 УК РФ, не содержит дифференциации уголовной ответственности с точки зрения наличия квалифицирующих признаков. Однако санкция нормы предусматривает достаточно большой выбор альтернативных видов и размеров наказаний, что позволяет индивидуализировать ответственность с учетом характера и степени общественной опасности содеянного. Допустимо согласиться с предложениями, высказанными в научной литературе, о целесообразности введения ряда квалифицированных и особо квалифициро-

ванных составов, предусматривающих совершение пропаганды наркотиков группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, лицом с использованием своего служебного положения [7, с. 64].

Таким образом, установление уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в информационно-телекоммуникационных сетях является своевременной и обоснованной мерой, призванной восполнить существовавший пробел в правовом противодействии наркоугрозам, когда систематическая и профессиональная пропаганда наркотиков в сети Интернет могла пресекаться лишь мера-

ми административной ответственности, явно недостаточными с точки зрения превентивного воздействия.

Вместе с тем анализ конструкции нормы позволяет выявить ряд проблем, а именно сложность отграничения пропаганды от иных форм распространения информации, особенно в сфере творческой, научной и педагогической деятельности, отсутствие квалифицированных составов, учитывающих повышенную общественную опасность организованных форм пропаганды, что должно стать предметом дальнейших научных исследований и законодательных инициатив.

Библиографический список

1. Ашин, А.А. К вопросу об уголовной ответственности за пропаганду наркотиков / А.А. Ашин, Д.А. Зыков, А.Е. Михайлов // Аграрное и земельное право. – 2024. – N 10. – С. 328-330.
2. Бирмамитова, С.А. Предпосылки установления уголовной ответственности за пропаганду незаконного оборота и потребления наркотиков с использованием сети «Интернет» / С.А. Бирмамитова // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова (Рязань, 30 мая 2025 года). – Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2025. – С. 63-66.
3. Волколупова, В.В. Уголовно-правовое противодействие пропаганде наркотиков: проблемы и перспективы / В.В. Волколупова // International Law Journal. – 2026. – Т. 9. – N 1. – С. 72-78.
4. Воспякова, О.Ф. К вопросу о пропаганде и рекламе незаконного оборота наркотиков / О.Ф. Воспякова, Д.А. Свиридов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – N 1. – С. 136-139.
5. Дворянсков, И.В. Административная преюдиция в уголовном праве / И.В. Дворянсков // Пенитенциарная наука. – 2023. – Т. 17. – N 2. – С. 153-162.
6. Кривоносов, А.Д. Публичная среда и публичные коммуникации в эпоху интернета / А.Д. Кривоносов // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – N 1. – С. 68-74.
7. Маллекер, Д.И. Пропаганда наркотиков: прогностическая оценка результатов криминализации и перспективы совершенствования уголовного закона / Д.И. Маллекер // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – N 1(73). – С. 54-66.
8. Мамай, Е.А. К вопросу о противодействии пропаганде наркотиков в искусстве / Е.А. Мамай // Актуальные проблемы уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации на современном этапе : материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В.И. Горобцова (Красноярск, 19 октября 2023 г.) / отв. ред. Н.Н. Цуканов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2023. – С. 194-199.
9. Токманцев, Д.В. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ : учебное пособие / Д.В. Токманцев, И.Н. Заварыкин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2026. – 54 с.
10. Чуешов, К.В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования противодействия рекламе и пропаганде наркотиков / К.В. Чуешов // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2023. – N 16. – С. 118-125.